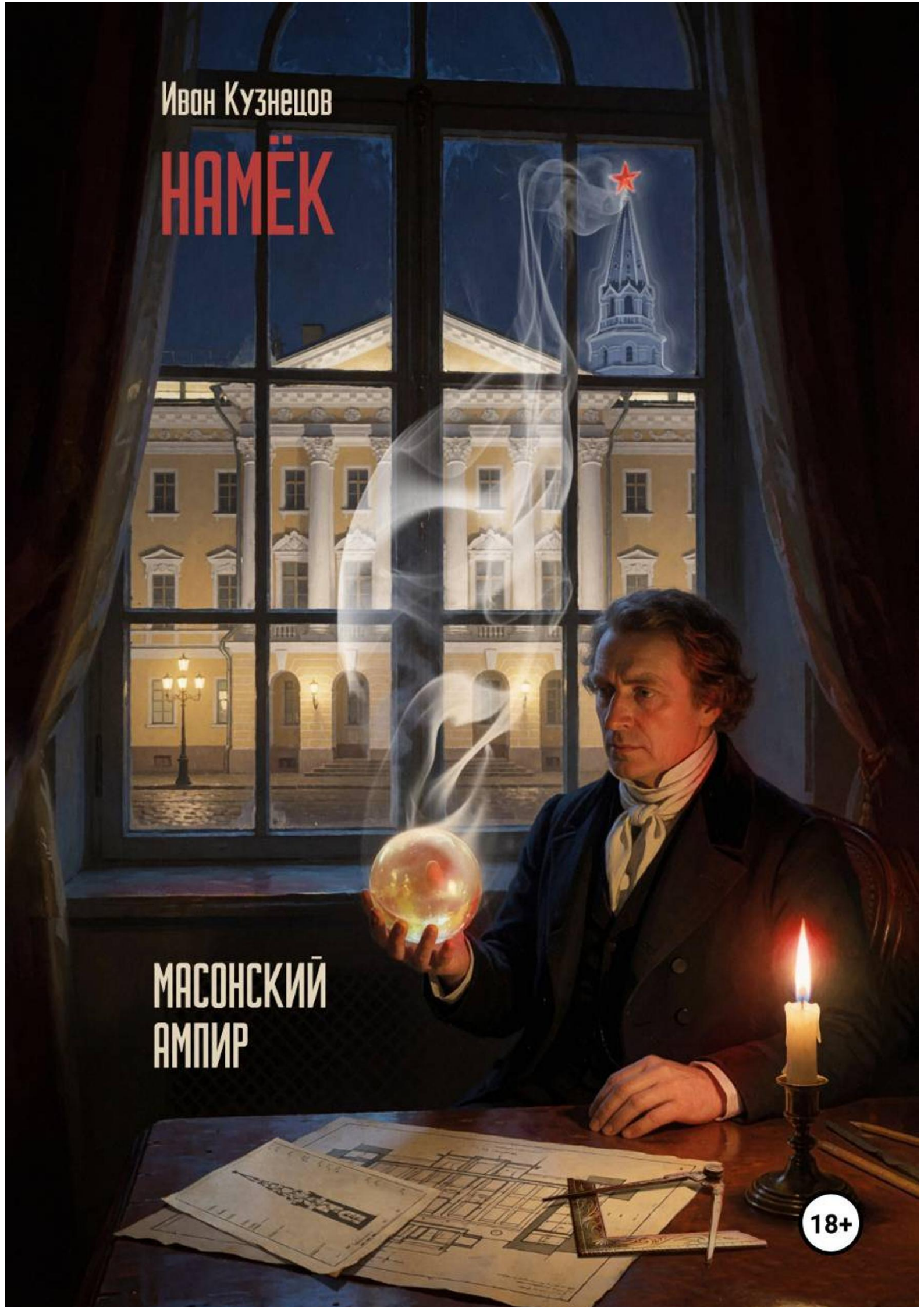
Иван Кузнецов

НАМЁК

МАСОНСКИЙ АМПИР

18+

Иван Кузнецов

Намёк. Масонский ампир

«Автор»
2026

Кузнецов И.

Намёк. Масонский ампир / И. Кузнецов — «Автор», 2026

Некогда русские дворяне, следуя моде, вступали в масонские ложи. Позже тайные общества были запрещены царской властью, и лишь самые убеждённые из «вольных каменщиков», уйдя в глубокое подполье, продолжили свою непрошеную и скрытную службу Отечеству. В начале двадцатого столетия приехавший в Москву на заработки простой паренёк Коля Бродов случайно становится компаньоном любителя старины Алексея Извольского в изучении следов деятельности некой богатой и могущественной масонской ложи. Есть всего один документ, свидетельствующий, что она существовала и сыграла уникальную роль в строительстве города после наполеоновского нашествия. Но то, что молодые люди считают давним прошлым, созидательное и грозное, встаёт рядом с ними на пороге рождения нового мира и влияет на их судьбы. Лишь годы спустя, уже после бурных революционных лет, Николаю Бродову представится возможность ознакомиться с рукописью неоконченной книги о масонах «Ясные звёзды» и обнаружить в ней намёк, понятный лишь посвящённому.

© Кузнецов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог к неоконченному роману А. Кенича «Ясные звёзды» 5
Глава 1. Погружение в историю 10
Отрывок из романа А. Кенича «Ясные звёзды»: Экспедиция 22
Глава 2. Архивный шифр 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Иван Кузнецов
Намёк. Масонский ампир

«…Истина едина, и всякий, кто сумел открыть хоть частицу её, был, есть и будет наш брат. В этом смысле розенкрейцеры всегда существовали, существуют и будут существовать, пока не исчезнет человечество. И всегда … подобные розенкрейцеры легко будут приходить … в общение друг с другом и помимо всякого организованного братства…».

Вс. Соловьёв «Великий Розенкрейцер»

Пролог к неоконченному роману А. Кенича «Ясные звёзды»

— Господа, мы собрались в час роковой для Отечества нашего. Срок генерального сражения определён, и войска строятся в боевые порядки. Каждый из пришедших нынче на тайное собрание готов сложить голову на поле чести. Военным до́лжно прибыть на позиции в назначенный срок. Среди нас присутствуют и люди штатские, на коих также возложена важная миссия. Но у тех, кои остаются в Первопрестольной, будет довольно запаса времени для приготовлений к любому повороту событий. Меж тем, братья, коим предстоит сражаться с врагом в открытом поле, принуждены торопиться, и времени имеют в обрез. Посему я намерен пресекать длинные речи, и для себя считаю таковые в сложившейся обстановке роскошью недозволительной. В решимости вашей защитить Отечество великой ценой не имею сомнений, потому и не считаю ни необходимым, ни полезным призывать вас, братья, к верности долгу, тем паче — напоминать вам о нерушимости клятв наших. Скажу ещё лишь одно. Наши великие братья, предшественники наши провидели грядущий грозный час. Титанической силой Разума, соединённой с силою Любви, они создали Инструмент. Ныне мы собрались, чтобы распечатать и применить его — в великой надежде, что он поможет повернуть ход истории и укротить грозу, бушующую над Отечеством. Господа, я закончил. Поднимемся в круглый зал.

Присутствовавшие на собрании в Рапирном зале выслушали оратора в молчании. Все они были укутаны в чёрные плащи от шеи до пят, лишь откинуты широкие капюшоны. Едва предводитель их кончил свою речь, кто-то из толпы повитых плащами негромко, но властно распорядился:

— Господа, прошу оставить здесь ваши накидки и оружие. Лестница наверх находится за дверью справа.

Они очень долго поднимались по лестнице. Свечей не брали с собой, поскольку путь прекрасно освещали им высокие, окна. Подъём их был озарён белым светом утра. Они шагали тихо, размеренно, ни словом, ни даже громким дыханием ни один не нарушил сосредоточенной плавности процессии. Оратор, который был у них предводителем, шёл не впереди, а среди других и бережно нёс обеими руками тяжёлый вертикально вытянутый свёрток. Так мог бы служитель культа нести младенца в крестильную купель: с осторожностью, потребной хрупкому человеческому существу, и благоговением перед высшей силой, в нём сияющей.

Лёгкие шаги по широким белокаменным ступеням, потом — по крутым деревянным, прямые спины, мундиры с эполетами, едва различимое размеренное позвякивание шпор. Всё говорило о готовности этих военных вскочить в седло, едва окончив обряд, ради которого они собрались в Сухаревой башне.

Штатские — их было не много — изо всех сил старались казаться военным под стать.

Круглый зал располагался под самой крышей, в острой оконечности башни. Не всякому был открыт туда путь, и не всякому известен. Со светлой, удобной, ещё хранившей запах дерева лестницы, устроенной тут во время недавнего ремонта, процессия сошла и втянулась в неприметный арочный проём. Там встретила их новая лестница — витая, металлическая, узкая — грузному человеку не протиснуться.

Круглый зал казался огромен. Верх его совершенно терялся в темноте.

Тот, что властно отдавал распоряжения в нижнем зале, здесь самолично пошёл по кругу — зажигал свечи в настенных светильниках. Стены круглого зала засияли нежно: гладкий коричневый мрамор отражал пламя. Мрамор имел тёплый оттенок, точно полированое дерево. По стенам вытянулся строгий строй полуколонн. Высоко, на уровне двух человеческих ростов, полуколонны упирались в карниз. Выше карниза — убегающий вверх, во тьму крутой свод. Где и чем он оканчивался?..

Люди, сгрудившиеся было при входе, растекаются, образуют круг. По-прежнему хранят молчание, не то благоговейное, не то почтительное. Или же всего лишь дисциплинированно соблюдают ритуал? В центре круга, в центре зала, в самом центре суровой Сухаревой башни — малахитовая чаша. У неё толстые стенки, массивная нога прочно упёрта в наборный пол. Чаша диаметром в локоть.

От стены приносят и ставят к самой чаше ломберный столик. Он нелепо смотрится среди храмовой торжественности зала. На нём, словно сам собой, появляется чудной предмет из меди. Плод причудливой фантазии изобретателя-самоучки. Похож на прибор, которым пользуются моряки. На подставке вертикально высится большой, раскрытый на треть ширины циркуль. Под вершину «циркуля» подвешена половина шестерни — выпуклым зубчатым краем вниз. Вроде маятника. Подобно маятнику, она покачивается вправо-влево, вправо-влево.

Циркуль и угольник? Нет, вместо угольника — всё же половина шестерёнки. И конструкция целиком — не плоскостное изображение. Она объёмная; она живёт, движется.

Предводитель собрания бережно распеленал свой свёрток, и лица озарил нежный золотой свет — как будто на всех одновременно пали лучи утреннего солнца. Откликнулось золотое и серебряное шитьё на мундирах: затеплилось, ожило. Из всех уст вырвался единый вздох восхищения. Узкий и высокий пирамидальный сосуд с золотистой жидкостью оказался на ломберном столике рядом с медным «маятником» — эмблемой братства. Жидкость нежно, ровно светилась; замерцали медные линии «маятника».

— Брюсово наследство!

— Эликсир Новико́ва!

Одновременный тихий шёпот самых осведомлённых гулко отдался в высоких сводах.

— Братья, прошу полного вашего сосредоточения.

Тихо заговорил предводитель, напряжённо.

— Настало время распечатать дар великого нашего предшественника, основателя Братства. Будьте готовы принять его в полном объёме. Прошу теперь каждого сказать: готов ли он принять дар, что бы ни означал он для жизни и личной судьбы.

Тихо, не сходя со своих мест и в свободной последовательности, военные и штатские произносили:

— Готов.

— Совершенно.

— Я готов.

Иссякли голоса.

— Остались ли среди нас один или более, кто не принял решения?

Тишина. Мягкое лучистое сияние.

Сами, команды не дожидаясь, члены братства запели на латинском наречии — негромко, стройно, как в церкви.

Совсем внезапно размахнувшись саблей, глава братства снёс пирамидальному флакону верхушку и вылил золотистый густой эликсир в малахитовую чашу. Так капля росы, преисполненная солнцем, скатывается в сердцевину зелёного листа, дрожит и мерцает там, пока не изойдёт лёгким паром.

Тонкий золотистый дымок заклубился в чаше и стал подниматься.

Латинские строфы сменились гулким, протяжным славянским напевом — не то из церковного языка сотканным, не то прямо из древности вызванным, вычерпанным прямо из Слова об отчаянном Игоревом походе.

Дымок взвился высоко, потянулся к незримому потолку-шатру. Рассеивалась тьма, отпускала от себя балки и своды.

Участники ритуала умолкли и в радостном предвкушении чуда наблюдали, как последние капли эликсира исходят золотистым паром.

Их предводитель нашёл обеспокоенным взглядом глаза старейшего члена братства и смертельно побледнел. Он увидел, что старый товарищ охвачен тем же сомнением, какое родилось в его собственном уме. И, едва увидел, сомнение обратилось в твёрдую ясность.

Чудотворные испарения эликсира искали выхода, но не находили его. Теперь не остановить начатого, и не успеть поправить ошибки. Всё, что известно о свойствах эликсира: после вскрытия сосуда он должен незамедлительно начать своё действие. Ритуал испорчен. Труд великих предшественников погибает напрасно.

Если бы Брюс, некогда замесивший основу эликсира и произнесший над сосудом первые слова священных текстов, оставил пояснения! Если бы добрейший и светлейший из просвещённых людей прошлого столетия — Новико́в — успел подобрать преемника, чтобы поведать тому метод применения эликсира и настрого наказать передать этот метод вместе с сосудом будущему хранителю! Но не был метод ни записан, ни изустно передан. Мастера тайно совещались, чтобы постичь его. Выходит, не постигли…

Дар Новико́ва. Последнее средство защиты. Единственная надежда на спасение Первопрестольной — если армия не спасёт.

Что же будет теперь?

Облако золотистого пара, напрасно поклубившись в вышине и не найдя дальнейшего пути ввысь, в чистое поднебесье, стало медленно снижаться. Не в силах вполне совладать с чувствами, мастер ложи прижал ладонь ко рту, исказившемуся гримасой отчаяния. Ему хотелось бы по-младенчески зажмуриться, чтобы не наблюдать, как бессмысленно и стремительно гибнет неповторимое создание нескольких поколений его прямых предшественников — плод усилий светлейших умов и благороднейших душ целой эпохи. Однако, превозмогши себя, он смотрел широко открытыми глазами. Винить в роковой ошибке, кроме самого себя, было некого. Стало быть, и наказание положено нести ему самому.

Пение Гимна кончилось, и члены ложи не завели нового. Наблюдали, не дыша, как опускается на них таинственная завеса. Опускаясь, она окутывала людей, влажно впитывалась в одежду, в волосы, проникала сквозь поры кожи. Люди благоговейно принимали дар.

Толика таинственных испарений снизошла и на Мастера Ложи. Мысли потекли плавнее, тело наполнилось упругой, непобедимой силой. Но успокоить растревоженные чувства дар был не властен. Мастер видел, как много в облаке ещё не растраченной силы. Каждый из присутствовавших, возможно, обрёл личную неуязвимость. Но не для того они собрались под суровыми сводами старинной башни накануне битвы, в которой решится судьба Отечества. Никто из братьев не желал спасения себе лично, но желал его Москве и молился о победе русского оружия.

— Братья, прошу помнить о вашем отеческом долге перед солдатами вашими и о нашем сыновнем долге перед Первопрестольной столицею.

Предводитель ещё несколькими мгновениями ранее не знал, что скажет это. Но он сказал. Произнёс очень слабым голосом, чтобы не разрушить чары. В полной тишине каждое слово прозвучало ясно. Если бы он пустился в пространные объяснения, то дело оказалось бы окончательно погублено. Мастер понадеялся: братья без лишних слов поймут, что требуется делать, — и не ошибся.

Силу эликсира удалось вобрать почти что без остатка. Однако долго братьям не удержать её в себе. В ложе собрались люди с практическим складом ума; для подобной работы они никогда прежде не упражнялись.

Особое свечение, свойственное эликсиру, почти исчезло. Свечи догорали в настенных канделябрах.

— Господа, поспешим туда, где необходимо наше присутствие! — призвал мастер тоном, не допускавшим обсуждений. — Бог в помощь!

* * *

Они начали своё дело утром и вышли в разгар дня. Солнечный тёплый денёк. Приближения осени не ощущалось в нём. Лишь берёзы в тишине старинных закоулков трясли золотистыми прядями, как буклями трясут напрасно молодящиеся старушки, вспоминая весёлую екатерининскую юность.

Впервые братьями была допущена та небрежность, которая извинительна только при событиях чрезвычайных: все вместе, группой человек в тридцать — сорок они покинули башню. Не надевая уже плащей, в мундирах и при оружии, они производили впечатление командиров, съезжавшихся для срочного совета, а теперь распущенных для исполнения решённого. Между тем, кони с вестовыми для сохранения секретности были оставлены подальше — у кого на площади, а у кого — в сплетении переулков. Военные, коротко простившись, поспешили каждый в свою сторону. Они скоро встретятся. Нет нужды ни времени назначать, ни места. Всем путь — на Смоленскую дорогу.

В дороге придётся соблюдать правила. Не болтать с попутчиками, песен не петь — нужды нет, весёлых ли, печальных, боевых ли. Воздержаться от выпивки, а лучше — и от вкушения пищи, разве за исключением самой простой — хлеба да воды. Придётся позволить непосвящённым гадать, отчего бравый полковник, боевой генерал, удалой поручик, охвачены думами: погружённость в стратегические расчёты тому виной, или тревожные предчувствия или — неужто?! — робость закралась в сердце? Всяческие подозрения посторонних ничтожны перед задачей, легшей нынешним утром на плечи членов братства. Они должны довезти самый эфемерный на свете груз и возможно меньше расплескать в дороге.

Военные спешили. Шаги их быстро отзвенели вдали, слились с обычными звуками города: цоканьем копыт, скрипом телег и возков, скрипом воротка колодца, криком петуха, плеском вкуснейшей мытищинской воды в бочке водовоза, звонкими, задорными выкриками лотошников, тихим щебетом синиц и барышень в бабушкином саду.

Москва насторожилась, зная о подступившей опасности. Москва ждала решения участи Отечества и собственной судьбы. Но, готовая в любой час всполошиться, Москва ещё не знала о грядущей беде, тем менее — о грядущем огненном обновлении. Нынче город ещё оставался внешне спокоен.

Штатским назначено пребывать в Москве. Им некуда было торопиться. Прежде, чем расстаться, люди растерянно потоптались по лугу под розовыми стенами башни. Траву за лето частью остригли козы и коровы, частью высушило солнце, однако обильные росы — верный спутник грядущей осени — сделали своё дело, и луг зазеленел молодыми ростками.

— Убеждён, нам следует вернуться в центр города, и там… Там свершится то, что должно… — осторожно произнёс один из братьев.

Говоривший не испытывал уверенности в своих словах, и не сумел бы изъяснить, чему же «должно» свершиться. Однако другие его правоту смутно чувствовали и с ним согласились. И ещё чувствовали, не понимая вовсе, что им не следует держаться кучно, что надо разойтись и каждому ощупью, наитием подыскать своё, верное место. А разум советовал идти к Кремлю.

Разум — худой советчик в делах, для ума запредельных.

Братья ещё не знали тогда, не могли и помыслить, что город имеет свою нервную сеть, что действие, произведённое в узлах этой сети, в сотни, тысячи раз сильнее резонирует.

Выйдя в суету улиц, они уже утратили ментальную связь с таинственной субстанцией, что вошла в каждого из них во время ритуала. Их неподготовленные тела стремились вытолкнуть из себя чужеродное. Их души не могли вместить того, что вовсе не людям предназначалось.

Каждый побрёл своим путём: кривыми переулками и мощёными площадями, меж покосившихся сараев и барских усадеб, меж величественных каменных палат и гнилых заборов. Золотые орлы строго поглядывали на них с Кремлёвских башен; подмигивала мириадами серебряных искр река.

Золотистый пар незаметно поднимался над фигурами людей, летел в подёрнутую дымкой небесную голубизну. Он растекался над городом, и город впитывал живительную субстанцию. Но её мало осталось, она была распылена, она была слишком ослаблена неверно проведённым ритуалом.

* * *

Следовало направить субстанцию сразу вверх, как бы подтолкнуть в небеса. Но, оказавшись под островерхой крышей башни, она принуждена была опуститься обратно и распределиться между участниками ритуала. Только так она могла быть вынесена на свободу. Никто не стремился сознательно присвоить дар, заключённый в испарениях таинственного эликсира, однако невольно каждый впитал в себя столько, сколько тело и душа его могли воспринять. Пресытившись, они исторгли остатки, и вот эти-то остатки воспарили над Первопрестольной, но, увы, не так, как надо бы для достижения полного эффекта. Кроме того, большая часть субстанции досталась военным, и те повезли её с собой на поле предстоящей брани, не зная толком, для чего делают это, но надеясь, что её незримое присутствие принесёт удачу в бою.

Как ни старались военные довезти субстанцию до места назначения, не расплескав, им это не удалось: всю дорогу золотистые пары эликсира Новико́ва поднимались над ними ввысь, пропадали без всякой пользы…

Генеральное сражение не было проиграно. Однако сражение не было и выиграно. Москва была сдана неприятелю, поругана им и лишь огнём очистилась от скверны.

Братьям не занимать было храбрости; они умели смотреть правде в глаза. Из допущенной ошибки были сделаны верные выводы. История самой тайной масонской ложи Москвы только начиналась.

Глава 1. Погружение в историю

— Что ты здесь делаешь?

Странный вопрос в устах незнакомца! Молодой господин, одетый скромно, но, явно, не дёшево, смотрел сверху вниз: долговязый. Не понятно, что ему нужно.

Николай молчал, ещё не найдясь с ответом, и господин добавил:

— Ты занят чем-то или ищешь работу?

Николай быстро оглянулся по сторонам и ответил вполголоса:

— Ищу, сударь.

— Ты чего-то боишься?

Николай вздохнул. Палатки в двух шагах, покупателей по дневному времени не много. Торговцы запросто услышат и приглушённый разговор. Если захотят, передадут тем разбойникам у входа. Придётся выскочить из рядов в сторону Сенной, к угольным и дровяным развалам, и быстро затеряться в арбатских закоулках. Больше на Смоленский рынок не ходить. А жаль.

— Мне не полагается искать здесь подённого найма, — сказал он спокойно, и уже не пытаясь приглушить голос.

— Почему? — удивился собеседник.

— Тут постоянные люди для этого, посторонних не жалуют. Тем более, не в очередь.

— Вот как, — господин задумчиво обвёл взглядом торговый ряд, редких покупателей. — А где они?

Ну, всё, дооткровенничался. Сейчас уйдёт этот наниматель к тем архаровцам. Но врать Николаю претило.

— Пятачок у входа знаете? Ну, где торгуют с ящиков. Посуда там, сапоги, тряпки. Знаете? Там подёнщики толкутся.

Он по-другому представлял себе потенциального нанимателя. Более осведомлённым, что ли. Не ожидал, что придётся разъяснять простые истины. Думал: подойдёт человек, который понимает, что разбойники у входа имеют определённую таксу на все услуги, довольно высокую, и держат её, никому не позволяют сбавлять. Кто хочет нанять работника подешевле, тот выхватит его, Николая, намётанным взглядом, подойдёт незаметно, договорится тихо и внятно. В расчёте на это он слонялся сегодня с утра по Смоленскому рынку. А подошёл наивный молодой господин, не имеющий представления о местных порядках. Не выйдет проку.

— То-то я не видал тебя тут прежде. Раньше где работал?

— Грузчиком. Ещё разносчиком.

Не добавить ли ещё раз «сударь»? Да ну! Всё равно ничего с таким не сладится.

Господин в элегантном шерстяном пальто был очень молод. Выглядел бы вовсе юным, если бы не большие залысины на лбу. Случается ж некоторым так рано лысеть! Говорят, лысина со лба — признак большого ума. Если же с затылка — то признак… неприлично и сказать, чего. Выражение лица озадачивало невозможным, казалось бы, сочетанием рассеянности и сосредоточенности.

— Что ж бросил? Надоело ноги забивать?

Начав разговор не без затаённой робости, теперь молодой человек задавал свои бесполезные вопросы увереннее. Отсутствие в ответах собеседника подобострастия, его, кажется, даже вдохновило.

— Не надоело. Я люблю ходить по Москве. Но не всю же жизнь прожить разносчиком!

— Какой работы ты ищешь?

Николай пожал плечами. Что ж, теперь ему всю свою московскую жизнь что ли рассказать, господину этому? Как для начала нашёл работу, как светило более подходящее место, как потом болел долго и тяжело, лишь недавно оправился и достаточно окреп. До отъезда в

деревню остаётся всего месяц, и хотелось бы успеть подзаработать, чтоб явиться домой не с пустыми руками.

— Ну, ладно. Так к тем, что у входа, стоит ли обращаться? Надёжные они работники?

Беседа начала тяготить, поскольку было совершенно не понятно, решится ли молодой господин перейти к сути дела. Николай кожей чувствовал, как окружающие торговцы прислушиваются к праздному разговору.

— Я не знаю, сударь. Наверное, не хуже других, ежели ни один наниматель ещё не пожаловался на них в полицию.

Добавить, что берут больно дорого? Знать бы, чего этому господину надо!

— Отчего же ты не соврал мне? — поинтересовался собеседник доброжелательно. — Не уверил, что там, у входа, нанимаются одни мошенники?

Так и подмывало ответить: «От того, что ты, господин хороший, ни слова про дело не сказал, а всё языком мелешь».

— Просто. Не люблю врать.

— Не любишь, но, стало быть, можешь? — господин глянул хитро.

— Могу, — сухо информировал Николай.

— А руки у тебя крепкие?

Николай встрепенулся. Вот так поворот! Выходит, ему нужен честный человек с сильными руками — вот что!

Господин только что обратил внимание на руки Николая и глядел на них с некоторым сомнением. Узкие, как у конторщика, ладони не могли не смутить его. Парень перевернул ладонь — показать мозолистую, загрубелую кожу. Поспешил ответить:

— Могу и дров нарубить, могу и тяжёлое таскать.

Весна стояла такая яркая, звонкая. Не хотелось брать в расчёт, что в последнее время таскание тяжестей заканчивалось для него отдышкой и обмороками. Пройдёт! Лето прожарит солнцем и окончательно прогонит из крепкого, молодого тела зимнюю цепкую хворь.

— Тяжесть — это я, — неожиданно сообщил господин и ещё неожиданнее улыбнулся — робко и озорно в одно и то же время. — Меня надо крепко держать на верёвке, пока я спущусь в подвал. А потом вытащить. Сможешь?

— Смогу!

Обрадованный, Николай широко улыбнулся. На короткие усилия ему дыхания, точно, хватит.

— Я могу слазить в подвал, — предложил он. — Зачем вам самому?

— Нет, мне нужно непременно самому. Но смотри, заплачу́, только когда вытащишь меня обратно. Вперёд ничего не дам!

В собеседнике и прежде было мало солидности, а теперь и последняя улетучилась. Он по-мальчишески звонко рассмеялся, явно вторя настроению своего будущего пособника.

— Как тебя звать?.. А я — Алексей Кондратьевич.

Впоследствии — много времени спустя — Николай спрашивал, отчего Алексей подошёл со своим делом именно к нему. Мало ли в Москве рабочего люда? Мало ли найдётся настоящих силачей, способных, к тому же, держать язык за зубами? Тот не дал внятного ответа, а Николай решил для себя, что Алексею Кондратьевичу непременно нужен был помощник моложе его самого, чтобы командовать и чувствовать себя при этом уверенно. Николай подошёл идеально: коренастый, плечистый, руки натружены тяжёлой работой, а при всём том — восемнадцать лет против целых двадцати трёх Алексея Кондратьевича.

* * *

Николай пришёл по указанному адресу заранее и был немало удивлён увиденным.

Уже вечерело, в переулке стемнело, зажёгся единственный фонарь на углу. Но переулок кривой. Ни фонаря, ни городового на посту под ним не видно, а видно только ореол газового света. И в окнах — свет за разноцветными шторами — где яркий, электрический, где керосиновая лампа, а то и свечи мягко теплятся. Кое-где пляшет живое пламя — хозяева сумерничают у камина.

Только особняк, указанный нанимателем, оказался нежилым — стоял печальной, тёмной тенью среди старого сада.

Николай-то был уверен, что Алексей Кондратьевич пригласил его помочь по хозяйству в собственном доме, ну, или там родительском. А назначил встречу на улице, поскольку не хотел, чтобы малознакомый парень ожидал его возвращения в прихожей, без пригляда. Разумно. Но вот идти на ночь глядя в чужой, заброшенный особняк, да ещё лезть там в подвал… Слишком уж попахивает соучастием в сомнительном предприятии, какого полиция не одобрила бы. Николай планировал жить честно и совершенно не собирался идти против закона. Если бы как следует обдумал ситуацию, то развернулся бы и ушёл от греха подальше. Но не успел: сзади его окликнул утренний знакомец:

— Я явился прежде времени, а ты уже здесь! Похвально! — весело приветствовал Николая Алексей Кондратьевич.

Давеча на рынке наниматель был без головного убора, но тогда светило солнце. Однако и теперь, несмотря на мартовский вечерний холодок, он пришёл с непокрытой головой.

Алексей Кондратьевич кивнул на заброшенный дом:

— Идём! Не заробеешь?

Николай замешкался с ответом. Точнее, он прикидывал, как бы похитрее задать вопрос, чтобы выведать подлинную цель молодого господина, который разговаривает с подкупающей мягкой искренностью.

— У меня с собой превосходный электрический фонарик — американский! — похвалился Алексей Кондратьевич, достав откуда-то узкий металлический патрубок с выпуклым стеклом на конце и на мгновение включив ослепительный луч. — Только нам надо светить осторожнее: мы ж без спросу лезем в чужой дом! «Аки тати в нощи»!

— Что же без спросу? — нашёлся Николай. — Вы бы прежде спросились у хозяев, Алексей Кондратьевич! Разве спешка? Я и в другой раз приду помочь вам, когда получите разрешение.

Складно вышло! Что-то молодой господин ответит? Авось, дело разъяснится!

— Спешка, Николай, — ответил Алексей Кондратьевич серьёзным тоном и даже с оттенком печали.

Они уже вошли сквозь незапертую, как выяснилось, кованую калитку и остановились теперь на влажной земляной дорожке среди раскидистых деревьев запущенного сада. Снег в этом году сошёл необычно рано, но в саду под деревьями ещё лежали грязно-белые сплюснутые солнцем сугробы.

Говорили молодые люди почти шёпотом, чтобы не быть услышанными случайным уличным прохожим.

— Этому старичку жить осталось совсем недолго: приговорён к сносу. Скоро тут построят доходный дом, многоэтажную громадину. Хозяева давно съехали, спроситься не у кого. Домик ветшает без присмотра…

Николай услышал острое, неподдельное огорчение в голосе москвича и постарался того утешить:

— Раз обветшал, то не беда снести и построить новый. Чего убиваться?

Алексей Кондратьевич вздохнул.

— Давай присядем на крыльцо!

Они уселись рядом на подгнившую деревянную ступеньку бокового крыльца, расположенного в торце дома. Тут же Алексей Кондратьевич пристроил небольшой саквояж, который принёс с собой.

— Этому особняку девяносто лет. Послепожарный ампир, построенный по образцовому проекту. Москву отстраивали после 1812 года из хороших, крепких материалов. Их проверяла специальная комиссия…

Николай вникал, затаив дыхание. «Ампир» пришлось отложить на потом, чтобы уточнить в словаре, а остальное Алексей Кондратьевич излагал вполне доступно.

— Ему бы ещё стоять хоть двести лет, если бы не запустение. Всё — от небрежения хозяев… Хозяин проигрался, говорят, в Европе… Сейчас зайдём внутрь — уверен, что увидим красóты в стиле прабабушек — лепнину, росписи…

Какая ценность в облупившихся, ветхих узорах? Новый хозяин, поди, не поскупится, налепит на свой доходный домина новых узоров, затейливее прежних.

— Сад тоже снесут, — будто почувствовав, что не убедил собеседника, добавил Алексей Кондратьевич. — Тут вековые яблони — ровесницы дома, старые вишни.

— Яблонь жалко! — искренно поддержал Николай.

Яблоня была в деревне большой ценностью. Во-первых, сортовые саженцы дороги. Во-вторых, занять землю деревьями может позволить себе только тот, кому огород не нужен или надел достаточно велик.

— Они прошлой весной цвели, точно кипели. Будто чувствовали… Может, в нынешнем мае ещё успеют. Приходи посмотреть! А по осени ветви ломятся от плодов. Вот люди и сломали запор на калитке: собирают. Боюсь, что и в дом лазили… Мне всегда думается: грех лишать жизни старый дом, старое дерево. Всё равно, что убить старика. Тот и отжил свой век, и одряхлел, на взгляд, а душа молодая, звонкая. Встречал ты таких стариков?

Николаю понравилось, как верно подмечено!

— Встречал.

Удивительные вышли посиделки с незнакомым господином на старом деревянном крыльце в заброшенном саду посреди Москвы! Алексей Кондратьевич говорил с Николаем как со старым, испытанным приятелем; открыл душу без навязчивости и надрыва. Будто не желал замечать стоявшие между ними сословия, возраст, образование. Неужели вовсе не с кем больше ему делиться своими мыслями?

— Ну, пойдём займёмся делом! — вдруг прервал себя Алексей Кондратьевич. — Не то не успеем по домам до полуночи. Отец будет недоволен.

Николай снова подобрался: ведь о характере дела он до сей поры так и не получил внятного представления.

Крепкая, длинная верёвка, которую лично захватил Алексей Кондратьевич, чтобы спуститься в подвал, не понадобилась. Помещения, интересовавшие его, находились не совсем под землёй, а в полуподвальном этаже, окна которого выходили на заброшенный, тёмный задний двор. На этот скрытый от глаз прохожего цокольный этаж вела внутри дома узкая лестница, состояние которой оказалось вполне приличным.

Николай помедлил у лестницы, прежде, чем спуститься: хотелось бы всё-таки знать цель!

— Алексей Кондратьевич, вряд ли лепнину мы там найдём! — заметил с подвохом.

Москвич замер, помолчал. В темноте его лица было не разглядеть: свет фонаря выхватывал лишь лестничный проём. Затем наниматель рассмеялся.

— Остёр ты на язык! Маешься, ходишь вокруг да около, а нет бы спросил напрямую, за каким чёртом я тащусь ночью в чужой подвал! Боишься?

В данный момент Николай находился в самом невыгодном положении, чтобы гордо объявить: «Я — человек честный!» Ежели тут творится беззаконие, то пристукнет его милый собеседник — и дело с концом. Поэтому Николай промолчал.

— Не бойся! Мы не сделаем ничего дурного. Мне нужно осмотреть и обмерять помещения, чтобы понять замысел архитектора. Я строитель по образованию и нынче взялся изучить архитектуру особняков московского ма… московского ампира.

Для доказательства своих намерений Алексей Кондратьевич открыл саквояж и посветил в него фонарём. Там, помимо верёвки, обнаружились рулетка, пара каких-то измерительных приборов, да тетрадь с карандашом.

Николаю сделалось страшно неловко. Но не от того, что в мыслях очернил подозрениями порядочного человека: человека он же не знал. А от того, что Алексей-то Кондратьевич доверился ему, незнакомому парню из низов, безоговорочно. Ведь и Николай имел все возможности пристукнуть его — забрать деньги, снять дорогую одежду, часы, забрать инструменты. Иной за один только американский электрический фонарь укокошит.

— Давайте я первый спущусь — проверю, ступеньки целы ли! — смущённо пробормотал Николай и, не дожидаясь ответа, поспешил вниз.

Вся дальнейшая работа была нудной и однообразной: растянуть рулетку, придержать её конец, подержать фонарь, пока Алексей Кондратьевич чертит в тетради и заносит туда цифры. Или просто стоять без дела с тетрадью в руке, пока Алексей Кондратьевич пристально рассматривает с фонарём каждую пядь стены, или мощёный камнем пол, или задумчиво глядит в потолок. Хорошо ещё, что обмеряли не все помещения; а лишь три-четыре, которые Алексей Кондратьевич выбирал, сверяясь со схемой, что находилась при нём, аккуратно вычерченная на белом листе.

Мысленно он от времени до времени принимался производить вычисления: его интересовала толщина стен. Николаю привелось разок поправить ошибку Алексея Кондратьевича в умножении с долями. Тот глянул на помощника с удивлённым уважением:

— Где ты выучился так ловко считать?

— В одноклассном народном училище по ведомству Министерства народного просвещения, — отрапортовал Николай.

— А, в земской школе! Три класса окончил?

— Четыре. Как раз по-новому устроили, когда я учился уже… Я выдержал экзамен успешно и получил свидетельство! — похвалился Николай.

В душе при этом шевельнулась тревога: пять лет прошло с той поры, потрачено напрасно. Сам читал кое-что, старался вникнуть, но это — не то. Вспомнит ли он прежнюю науку, сможет ли когда-нибудь учиться так же успешно?

— А дальше учиться не думал?

Ишь, будто мысли прочитал!

— Очень хочу.

Алексей Кондратьевич собрался было расспрашивать дальше, но передумал: время поджимало. Видно, батюшка его крут, если и взрослого держит в строгости.

— Хорошо. Мы позже поговорим ещё об этом.

Николай промолчал. Что тут разговоры разговаривать?

Поступить хоть в какое училище он по возрасту уже опоздал. В институт не возьмут со свидетельством четырёхлетки, и правильно сделают: что ты поймёшь? На учёбу, если не за казённый счёт, нужны огромные деньги. Надежда — на народный университет, только в прошлом году открытый. Николай было начал ходить, но из-за болезни много пропустил, после с деньгами было туго, а теперь учебный год уже заканчивается…

— Неужели чёрная храмина?! — донеслось от дальней стены бормотание Алексея Кондратьевича, который один отошёл туда и осторожно расковыривал там что-то, подсвечивая себе фонарём.

Николаю стало не по себе. Он, как перебрался в город, почти не соблюдал религиозной обрядности и на церковь, подобно большинству московских рабочих, крестился редко —

только если проникновенно звонит или очень уж красивая. Но никакого касательства к сектам или, не дай боже, сатанинским культам, нынче, вроде как, модным, иметь не желал!

— Иди, посвети мне!

Николай взял у Алексея Кондратьевича фонарик.

— Сюда, на ткань. Не так высоко, сбоку. Давай от меня, как будто я сам держу. Вот так!

К стене был прибит по старинке, обойным гвоздём, маленький клочок тёмной материи. В других местах, где выхватывал свет фонарика, можно было заметить шляпки гвоздей.

— Эх, мало света! Как считаешь, чёрный он? Чёрный шёлковый штоф, а?

Николай и осмотрел, заставив ткань переливаться, и ощупал.

— Похоже на шёлк. Ткань сдёрнули, а гвозди, глядите, остались. Они как будто не старые.

Николай заразился непонятным исследовательским энтузиазмом.

— Ну-ка, где?

Он посветил.

— Вот, вот, ещё вот… Новые: не успели заржаветь.

— Молодец, что заметил, но ты ошибаешься, — мягко возразил Алексей Кондратьевич. — Делаешь из верных наблюдений неправильный вывод.

Алексей Кондратьевич будто хотел, чтобы помощник сам нашёл причину своей ошибки. И у Николая начала формироваться смутная догадка, он почувствовал, что вот-вот ухватит мысль.

— Ты не учёл, что подвал сухой! — поторопился Алексей Кондратьевич с ответом. — На редкость сухой.

Точно! Ни намёка на плесень, воздух — сухой и чистый, пыли — и то не много.

— Цокольный этаж ведь каменный, заметил? Жилые помещения — кирпич. А тут в основе — хорошо пригнанный камень; цементный раствор великолепного качества.

У Николая не было возможности заметить всего этого под слоями штукатурки. Только профессиональный строитель знал, где поскоблить и расковырять, чтобы вскрыть основу.

— Строили с таким старанием и тщанием! — произнёс Алексей Кондратьевич восхищённо и мечтательно. — Хорошо, что ты заметил эти гвоздики, что на них нет ржи. Полезный показатель!

И Алексей Кондратьевич сделал запись в тетради.

— Посвети ещё. Попробую вынуть гвоздик и снять этот кусок ткани. Он пригодится мне. Гляди, крепкий! Штоф сняли не оттого, чтобы пришёл в ветхость.

Аккуратно пакуя в саквояж раздобытый обрывок чёрного штофа, Алексей Кондратьевич распорядился:

— А ну, осмотри хорошенько потолок!

— Что искать? — не понял Николай.

— Поищи обойные гвозди. У тебя зрение острое.

Николай полоснул лучом фонаря по стене вверх. Блеснуло стекло.

— Окно! — воскликнули оба исследователя одновременно.

До сего момента казалось, что комната глухая: лишь свет фонарика озарял её, когда, только войдя, его нарочно выключили, то снаружи не проникало даже слабое свечение. Теперь осмотр показал, что окно существует, но забрано глухими ставнями. Николай подсадил Алексея Кондратьевича, и тот обнаружил, что щеколды подвижны, открываются и рама, и ставни. В стоячую атмосферу полуподземного этажа ворвался холодный и свежий воздух весеннего сада, остро пахну́ло талым снегом и сырой землёй. Но Алексей Кондратьевич, жалея своего помощника, захлопнул окно, запер и скорее встал на собственные ноги.

Николай приступил к изучению потолка. Гвоздики нашлись, и обнаружились новые обрывки чёрной ткани. Николай представил, как выглядело помещение, когда не только стены его, но и потолок покрывала чёрная материя. Стало очень не по себе. Пришло на ум непри-

ятное словосочетание, прежде произнесённое Алексеем Кондратьевичем: «чёрная храмина». Хорошо ещё, что прежние хозяева или съёмщики особняка всё пооборвали!

Алексей Кондратьевич, без света лишённый возможности делать записи и осматривавшийся вместе с помощником, пробормотал:

— Так. А вот и вентиляционная шахта.

В стене под потолком чернела прямоугольная дыра, забранная узорчатой решёткой.

— Значит, для проветривания окно не требовалось, верно?

Алексей Кондратьевич вроде как спросил, но ответа он, явно, не ждал.

— Следовательно, окно — элемент ритуала, — продолжал он беседу с самим собой. — А иначе — зачем? Иначе — сделать ложное — и всё… Требовалось, чтобы в нужный момент обязательно проник свет. А сторона здесь… Ну, конечно! Восточная! Потом поищем снаружи, есть ли и там щеколды. Должны были закрывать снаружи!

Тут фонарик, который, по наблюдениям Николая горел уже не так ярко, как вначале, и вовсе стал подслеповато помаргивать.

— Эх, продавец-то меня обманул: ненадолго хватило батареи. Жаль! Нужно было взять с собой ещё и керосиновую лампу. Да неохота: всё керосином провоняет, — сетовал Алексей Кондратьевич. — Жаль, не полностью осмотрели дом. Впрочем, время всё равно позднее.

Тут фонарик погас, а затем свет в нём затеплился вновь, но едва-едва.

— Выключи! — распорядился Алексей Кондратьевич.

Николай наощупь передвинул рычажок.

— Куплю побольше батарей в запас, — решил Алексей Кондратьевич.

Перспектива возвращаться в полной темноте не слишком радовала, но Николай хорошо запомнил и каждое из обследованных помещений, и маршрут в целом. Впрочем, вышло проще. Алексей Кондратьевич распорядился снова включить фонарик, объяснив, что батарея за время отдыха накопила ещё немного заряда. Перешли в соседнее помещение, где в окно проникал слабый уличный свет. Так и добрались до выхода, то включая фонарик, то давая ему отдых.

На крыльце Николай вдохнул всей грудью воздух старого сада. Тут после тёмного подвала казалось значительно светлее: рассеянный свет газового фонаря на углу переулка проникал сквозь сплетение голых ветвей, а над крышами краешком показался месяц.

Алексей Кондратьевич возился с замком, навешивая на дверь, чтобы создать впечатление, будто тот заперт.

— Повезло нам, что воришки уже вскрыли замок. Иначе пришлось бы сбивать, — сказал он. — Но интересно, что ценного они сумели раздобыть?

Осмотрительно ступая вдоль стены, Алексей Кондратьевич дошёл до того места, где, по его расчётам, находилось окошко «чёрной храмины». Наклонился, вгляделся, пошарил рукой.

— Есть! С этой стороны ставни совсем плохи. Видимо, сгнили ещё при хозяевах. И хорошо: будь сухие, бродяги сорвали бы их для костра. Щеколда! Ржа аж сыпется… Я угадал: окно закрывалось ставнями снаружи. Проверим другие?

Он медленно двинулся назад, наклоняясь к каждому проёму в цоколе.

— Нету. Нету. А тут? Ага! Стекло разбито и вставлена доска. Петли? Нет петель, и следов от петель нет, — бормотал Алексей Кондратьевич. — Всё верно: ставнями закрывалось только одно окно!

Вернувшись на дорожку, он посветил фонариком на свои ботинки — те были густо уляпаны земляной жижей, в которую исследователь провалился не раз: почва около дома оттаяла на пригреве — и стал энергично притоптывать на месте, стараясь хотя бы частично сбить грязь. Затем наниматель обернулся к Николаю:

— Сколько ты хочешь за свою помощь?

Николай пожал плечами и опустил глаза: славно срабатывает этот нехитрый трюк, но только когда нанимаешься не к ушлому подрядчику, а к кому-нибудь по частной надобности, как нынче.

— Не знаю. Вы уж сами решите!

Алексей Кондратьевич, достав несколько бумажек, выбрал два рубля и протянул помощнику. Ого!

— Достаточно? Не обидишься?

— Многовато, — честно сознался Николай.

Не мог он побороть в себе глупой гордости. Молчал с лёгкостью, лишнего не сболтнёт, но, если напрямую задавали вопрос, то соврать ему претило.

— Ничего, бери, — распорядился Алексей Кондратьевич. — В другой раз пойдёшь со мной?

— Пойду! — выпалил Николай.

Он уверился, что Алексей Кондратьевич не имеет отношения к вероотступникам, а интересуется следами их занятий из научных соображений. При этом, не похоже было, чтобы Алексей Кондратьевич с одинаковым энтузиазмом взялся изучать любой старинный дом — лишь ради нежных чувств к памяти прошлых поколений. Нет, «чёрная храмина» привлекла его внимание, а искал он нечто, ещё более потаённое. Разумнее всего было предположить, что Алексей Кондратьевич, вопреки видимой своей подкупающей искренности, не так прост, а подлинной целью его изысканий является клад, который непонятная секта замуровала там же, где проводила свои обряды.

В результате подобных размышлений покинутый хозяевами дом, в подвале которого провёл долгий мартовский вечер, должен был бы представиться Николаю мрачным и зловещим. Но ни мрачности, ни зла не ощущалось в старом московском особняке. Добротный, крепкий, он будто хранил ещё уют некогда наполнявшей его жизни.

Николай не отдавал себе ясного отчёта, но ему очень хотелось снова войти в старый фруктовый сад, проникнуть в дом, сухой воздух которого создавал ощущение, что дом был недавно как следует протоплен, и заняться вместе с Алексеем Кондратьевичем сложными измерениями и загадочными поисками. Вот только не пристукнул бы его щедрый господин, когда вычислит, наконец, свой клад…

Но об опасности предприятия Николай напомнил себе, скорее, для порядка. Зловещего в Алексее Кондратьевиче было ещё меньше, чем в обречённом на снос пустом особняке.

* * *

Алексей Кондратьевич назначил Николаю явиться на следующий же день к воротам Александровского сада и ждать там: он, мол, будет неподалёку по делам службы и придёт тотчас, как освободится. Действительно, пришёл он сразу после того, как Куранты пробили четыре. Николай удивлялся, чем же они станут заниматься несколько часов — до того, как стемнеет, и народ разойдётся по домам. Он с любопытством ждал, что скажет наниматель.

— Мне вчера ещё пришла мысль: для чего нам впредь хорониться в ночи? Дом вскрыт давно, и не нами. У нас и инструментов таких нету, чтобы отомкнуть замок без ключа. В темноте мы светим фонариком и рискуем выдать себя одним неосторожным лучом. Сразу у каждого родится мысль: кто это там крадётся, что за тёмное дело творит. Так? Согласен?

— Милое дело — кликнуть городового, — согласился Николай, но счёл нужным уточнить: — если другого занятия нет. Или сам заметит.

— То-то и оно. А если пришли люди днём, и не прятались? Значит, не боятся закона. Так?

— Вроде, так, — Николай без особой уверенности дёрнул плечом.

— Ну, идём, я по дороге доскажу, а то не успеем до темна!

Они зашагали вдоль Манежа в сторону Воздвиженки.

— Гляди, — продолжал Алексей Кондратьевич свои разъяснения. — Нам бы только войти незамеченными. Но войти надо эдак с уверенностью. Сегодня будем обследовать мезонин. Перед его окнами густые ветви, наших эволюций… действий наших никто не увидит. Потом заглянем в подвал, но уж ненадолго…

Алексей Кондратьевич будто искал у Николая одобрения своим рассуждениям. Тот решил: уж коли обсуждать, так обсуждать как следует, и поинтересовался:

— А ну как всё-таки городовой?

— Ну, правильно! — воскликнул Алексей Кондратьевич с непонятным воодушевлением. — Молодец, правильный вопрос задаёшь! Теперь гляди. Есть два способа. Я ведь живу неподалёку. Многих знаю, и меня знают. Так всегда можно сослаться, что собака забежала в сад, а дом был открыт. Мой отец держит сеттера, хоть давно уже не ходит на охоту. Или кот. У нас в доме живёт огромный рыжий котище. Вечно геройствует по весне. Отец строг с ним, а я люблю его и считаю домочадцем не менее, чем собаку. Видишь, как просто!

Николай счёл простой план Алексея Кондратьевича вполне убедительным.

— А второй способ каков?

— Второй пока недоступен. А когда пойдём изучать следующее здание, что в другой части, у меня на руках уже будет отношение от Московского археологического общества — прямо от комиссии «Старая Москва». Я просил уже, и мне обещали сделать. С такой бумагой любой хозяин, любой арендатор впустит с дорогой душой!

Вот это новость! Намечено к обследованию и второе здание и, пожалуй, не последнее! Губы Николая сами собой расплылись в широкой улыбке. Значит, Алексей Кондратьевич не намерен устранить свидетеля, едва добравшись до клада. Да и сама идея клада теперь под большим сомнением. А вот выгодная и неутомительная работа сама плывёт в руки.

— Алексей Кондратьевич, кот — ладно, но как же вы меня-то объясните городовому? Я тут зачем?

Они уже сворачивали в переулок. До давешнего особняка два шага.

— Мы знакомы. Случайно встретились в переулке. Я попросил тебя помочь поймать упрямое животное.

Николай промолчал. «Знакомы!» Ни фамилии, ни места службы, ни домашнего адреса этого господина. Только имя и отчество. А коли спросят, и не соврёшь, будто помогал по хозяйству — не зная адреса-то!

Видимо, Алексею Кондратьевичу в голову пришла та же самая мысль, поскольку он вдруг сказал:

— Моя фамилия Извольский. Я живу в Сивцевом Вражке.

Между тем, в переулке было безлюдно, и в ограду старого сада молодые люди вошли, не потревоженные.

Брошенный особняк встретил двоих исследователей как добрых знакомых. Без усилий открыли высокую и тяжёлую дверь, без труда нашли лестницу, ведущую на мансарду. Алексей Кондратьевич держался уверенно.

— Вы тут, Алексей Кондратьевич, как в родном доме, — заметил Николай.

— Не совсем, — ответил тот. — Мой родной дом выстроен в те же годы, после московского пожара, но по другому плану. Однако существовало всего несколько образцовых проектов, по которым строились особняки. Я все их изучил. Да они и схожи между собой.

Прежде, чем подняться наверх, они прошлись по парадным и жилым помещениям дома. Алексей Кондратьевич ничего не искал тут, не измерял. Осматривал интерьеры. Мебели почти не осталось, на стенах чередовались тёмные и светлые пятна от стоявших некогда шкафов и этажерок, диванов и столиков. Стены кое-где были оклеены бумагой и покрашены, а кое-где сохранился старинный штоф. Предсказанные Алексеем Кондратьевичем лепнина и росписи

сохранились на потолке, но имели одинаково желтоватый, тусклый оттенок — выцвели. Тут, как и на фасадах старых домов, были изображены сборища разных людей в длинных, струящихся одеждах, а также вазы с цветами и фруктами.

— Тебе доводилось прежде бывать в старинном особняке? — поинтересовался Алексей Кондратьевич.

— Нет.

Не считая публичной библиотеки. Кроме того, надо учесть, что далеко не все зашторивают окна по вечерам, потому и через окно можно составить определённое представление. Но Николай не стал вдаваться в эти подробности. Теперь господин Извольский, наверное, спросит, как ему тут нравится. Что ответить?

Хотел бы он жить в таком? Ну а кем? Слугой? Никогда не хотелось Николаю быть слугой, даже у самых добрых и зажиточных хозяев. Обычная крестьянская доля и то лучше: свой дом, свой надел, сам решаешь свою жизнь. Хозяином? Смешно. С чего бы? Хозяином такого дома замучаешься. Разоришься на одном зимнем отоплении. А уборка и поддержание порядка чего стоят?!

Однако поделился Николай приятным впечатлением:

— Тихо тут. Спокойно.

— Как будто время остановилось, — сказал Алексей Кондратьевич. — Или не так. Как будто оно мимо идёт, снаружи, да?

Николай не совсем так чувствовал. Ему почудилось: как будто, входя в этот тихий дом, можно оставить снаружи все беды и заботы, и пока ты находишься внутри, они тебя не коснутся. Алексей Кондратьевич, возможно, то же самое имел в виду, только по-другому выразил. Николай кивнул.

За окнами серело.

— Ладно, идём наверх, — распорядился господин Извольский, — сумерки скоро.

Тем не менее, он ещё ненадолго задержался в просторной зале, которая была украшена пышнее других помещений: огромный камин с изразцами, на стенах вылеплены колонны.

Алексей Кондратьевич задумчиво огляделся. Подошёл к колонне из зелёного камня с разводами. Погладил. Быстро шагнул к другой, третьей, погладил и постучал по ним. Воскликнул:

— Поверить не могу! Это настоящий мрамор! Иди сюда, пощупай!

Николай провёл ладонью по холодному гладкому камню.

— А теперь сюда иди!

На вид то же самое, те же разводы, но поверхность была теплее и немного шершавилась под пальцами.

— Тут четыре колонны облицованы настоящим мрамором, остальные искусно покрашены, имитация, — пояснил господин Извольский для своего терпеливого спутника, а затем пробормотал себе под нос: — Теперь ясно, отчего отделка по смете была такой дорогой!.. Ну, идём в мансарду!

Мансарда разделялась на несколько помещений. Кое-что измерили и записали. Особенно привлекла господина Извольского небольшая — всего в три десятка квадратных аршин — комнатка со слуховым окном. Её и измерили тщательно, и поскоблили стены, даже потолок в поисках следов старых обоев. Посередине потолка нашли под слоем белил остатки узора, нанесённого золотой и серебряной красками. Но полностью открыть его не удалось: сыпался вместе с позднейшими наслоениями.

После мансарды Алексей Кондратьевич решил вернуться в залу с мраморными колоннами. Здесь он пропел нечто нечленораздельно-торжественное и послушал, как отдаётся звук. Подошёл к окнам, чтобы внимательно осмотреть рамы. Пробормотал:

— Нет, звука не задержат. Будет снаружи слышно. Но сад… До запрета не имели нужды скрываться…

Снова Алексей Кондратьевич пел и заставил Николая слушать, зво́нок или глух выходит звук. Стал простукивать стены и отмечать карандашом, где стук получался зво́нок. Для ускорения работы выдал Николаю второй карандаш и велел делать то же самое у другой стены. Затем Николай его подсаживал, а он простукивал, куда мог дотянуться.

— Устал? — спросил Алексей Кондратьевич, заметив, что помощник дышит тяжело и прерывисто.

— Ничего, — с натугой ответил Николай, думая только о том, как бы не грохнуться и не уронить нанимателя.

— Давай поменяемся, — внезапно предложил господин Извольский. — Теперь я подсажу тебя.

Он сейчас стоял прямо напротив своего помощника и сверху вниз спокойно смотрел тому в лицо.

— Держи, — он протянул Николаю карандаш.

От удивления Николай не сразу нашёлся, как реагировать.

— Думаешь, не удержу? — спросил Алексей Кондратьевич, и в его собственном голосе прозвучало сомнение. — Ладно. Передохни пока, а я зарисую, что есть.

Николай отошёл к наружной стене и сел под окном прямо на пол — отдышаться: слабость накатила. После долгой зимней хвори каждый раз у него теперь такая ерунда при тяжёлой работе. Хоть не берись. А как не браться? Скорее бы прошло!

— Всё, Николай, больше не надо простукивать. И так ясно, — воскликнул господин Извольский.

Уже хорошо. Но до чего любопытно, что ему ясно-то!

— Поди сюда! Смотри!

Алесей Кондратьевич развернул свою тетрадь так, чтобы Николаю было удобно заглянуть в неё.

— Видишь, полости расположены в определённом порядке. Это резонаторы — колосники. Их встраивают в стену специально, для усиления звуков. Вот мы и тихо разговариваем, а звучит гулко, да?

— Как в театре, — согласился Николай.

Он гордился тем, что бывал в театре: стоял на галёрке от начала до конца спектакля, хотя не всё понимал, что происходит на сцене, особенно когда там беспрерывно пели, и ни слова было не разобрать. Для себя он пришёл к выводу, что в театре скучно.

— Именно! — с энтузиазмом подхватил Алексей Кондратьевич. — Либо этот зал выстроили так, чтобы он служил домашним театром, чтобы давать концерты, спектакли, либо… Сейчас мы ещё кое-что проверим!

Господин Извольский отправил Николая в сад с указанием: прислушиваться из глубины сада и дать знать, когда услышит и когда сумеет разобрать фразы, доносящиеся из зала сквозь закрытые окна. Алексей Кондратьевич будет произносить что-нибудь всё громче, пока Николай не махнёт ему рукой.

Сумерки сгустились. В вечернем саду остро пахло прошлогодней сопревшей листвой и оттаивающей сырой землёй. Корявые, покрытые лишайником ветви деревьев тоже оттаивали, с них капала влага. Несколько грязноватых капель увязло в волосах: Николай вышел, не надев кепки. Носить картуз ему ужасно не нравилось: каждый первый в картузе. Едва начав зарабатывать в Москве, он купил подержанную, но вполне ещё ладную кепку, которая так полюбилась, что лишь в сильные морозы менял её на свою старую тёплую шапку.

После того, как Николай выполнил поставленную задачу, Алексей Кондратьевич распахнул окно и позвал его обратно в дом.

— Не очень слышно было, да?

Они поменялись. Теперь Николай декламировал и пел в зале, а господин Извольский прислушивался в саду.

— Изумительная акустика! — объявил он по завершении исследования. — Звук концентрируется в зале, наружу идёт минимально. Представь, какое мастерство требуется, чтобы организовать систему столь затейливо!

Давешняя убеждённость Николая в том, что новый дом на этом месте выстроят краше прежнего, претерпела колебание. Может, и краше прежнего станет новый доходный тучерез, но будет лишён загадочности, таинственного ореола. Однако Николай старался судить о серьёзных вещах взвешенно, а не по настроению.

— Нынче, поди, и посложнее умеют, — предположил он вслух.

— Не скажи, — живо возразил Алексей Кондратьевич. — Есть же секреты мастерства. Не сумел или не захотел мастер передать своего секрета — и, глядишь, последующим за ним приходится заново изобретать то, что ранее уже было продумано, наработано. Вместо прогрессивного движения получается топтание на месте или хуже того — регресс, шаг назад.

— Но в нынешнее время всё делается не как Бог на душу положит, а по науке, — озвучил Николай суждение, усвоенное ещё в школе и многажды читанное в журналах и книгах.

Господин Извольский прямо отвечать не стал — счёл, видно, неинтересным вступать в спор с невежественным собеседником по вопросу, для себя очевидному. А сказал следующее:

— Тут штучное строительство. За основу владелец был обязан взять образцовый проект — и взял, но внутри — уникальные решения. Эх! Исследовать бы! Коли уж сносить, так по кирпичику разобрать. Но как устроить это? Счастье, что учредили Комиссию по изучению старой Москвы! Однако она только-только приступила к работе, пока раскачаются, пока заработает в полную силу… Я выступлю с сообщением, как только представится возможность… А пока одно утешительно: мы делаем то, что под силу нам самим… Стемнело. Тут не надо светить фонарём. Идём вниз: будем искать тайник.

После всех отвлечённых рассуждений прозвучало очень неожиданно про клад. Снова вся картина происходящего перевернулась для Николая вверх тормашками. К чему тогда возились со звуковыми… как их? Резонаторами?

В цокольном этаже рядом с «чёрной храминой» Алексей Кондратьевич стал с фонариком придирчиво изучать простенок.

— Я произвёл вычисления. Вот эта стена имеет ненормальную толщину. В углу она оправдана вентиляционным коробом, но остальное…

Даже выстукивать не потребовалось. Лишь слегка оштукатуренная, чтобы сливалась со стеной, обнаружилась узкая дверца, а за нею — что-то вроде кладовки. Там валялась метла из орешины и пучка перевязанных верёвкой прутьев. Исследовали тщательно, с азартом. Больше ничего.

Николай огорчился неуспехом поисков. А господин Извольский остался, как ни странно, очень доволен. Даже приподнятое настроение овладело им.

— Ты утверждал, что веришь в науку, — заметил он своему помощнику. — Правильно делаешь! Расчёты верны! Должны оправдаться и другие. На сегодня мы закончили работу.

Алексей Кондратьевич снова рассчитался двумя билетиками, и Николай не стал возражать, припомнив, как через силу вздымал костистого и высокого господина Извольского в зале. Если так пойдёт дальше, то заработок у господина Извольского будет получше, чем зарплата чернорабочего. А по утрам ещё разгружать вагоны. Жалко, зыбкие эти занятия, ненадёжные.

— Теперь сравним с другим особняком из подборки.

Отрывок из романа А. Кенича «Ясные звёзды»: Экспедиция

— Земля!

Никита Ильич Болотин без дела вышел на палубу: проветриться, поразмышлять об отвлечённом. В каюте он всё расчётами занимался, но расчёты шли плохо. Не торговый он человек. Деловая хватка есть. За что возьмётся — доведёт до конца с блеском. Но выгоду рассчитать, разобраться с убылью да прибылью — это ему так же сложно, как до Луны добраться, так же мучительно тяжко, как шагать пешком сквозь летнюю тайгу с учёной экспедицией.

Учёная эта экспедиция была единственное его дело, что едва не окончилось полным провалом и бедой. Слава Богу, немец оказался крепкий, выдержал тяготы пути. Вот у человека поистине светлая голова! Будто ангелы ему нашёптывают. Погоду знает наперёд на три дня, рельеф местности схватывает на глазок, проверишь — погрешность в метр-другой, не более. А недра! Главное — недра! Словно видит насквозь. Но никакой тут магии, никакой в нём оккультной силы, загадочное природное электричество вовсе ни при чём. Великий учёный знает сродство природных элементов: камней и металлов, и природных газов, и вод. Мало того. Чахлое деревцо на скальном выступе, непримечательный кустарник среди камней-окатышей в русле говорливой реки. Профессор указывает рукой на бесполезную эту, скучную растительность и восклицает: «Запишите! Здесь золото! Непременно надобно искать — найдёте». А там — алмазы, там — редкий, не столь ценный, как золото, но всё же полезный металл платина. Ищут — и находят. Предсказания немца сбываются. Профессор решает задачки эти, как ребёнок, навострившись, решает примеры на сложение, расписывая столбики…

Вот и развлёкся. Полегчало у Никиты Ильича в голове…

Нам своих надо вырастить таких учёных. Ломоносов был самородком. А надобно систему образования устроить так, чтобы она рождала гениев с обязательностью, с какой хорошо возделанное, удобренное поле рождает тучные хлеба…

Никита Ильич вдыхал с наслаждением морской воздух. Хорошо до чего не заботиться о выгодах и расходах! Но вот беда. И систему образования не расчислишь, и ни единого учебного заведения не выстроишь, ежели не научишься сводить расходов с доходами. Никто не понуждал его, он сам, собственной свободной волей решил обучиться искусству коммерции. Ведь ты плывёшь к чужим берегам с торговою компанией, с миссией — укрепить торговые связи с молодым государством — расширить их поелику возможно. А значит — учись считать! Кто воспримет тебя всерьёз как переговорщика, когда не умеешь? И главное, дипломатическая — твоя собственная — миссия провалится вместе с торговой. Или того хуже. Покажешь слабину — что тебя можно облапошить. Вот чего допустить нельзя! Поэтому сидел Никита Ильич днями напролёт над расчётами, которые сам себе задавал, и заполночь порой заходило.

Купца второй гильдии Павла Митрофановича Обознова, что отвечал за весь товар на корабле, Никита Ильич назначил себе в репетиторы. В редкие минуты, когда тот не страдал от жестокой морской болезни, склонялся над столом, где начальник экспедиции разложил бумаги, исписанные да исчёрканные, слушал объяснения Никиты Ильича в молчании, не перебивая. Не столько почтительно слушал, сколько с цепким вниманием. Дослушав, в несколько фраз всего объяснял, чего Никита Ильич не учёл в своих рассуждениях, отчего все расчёты насмарку — это в худшем случае, или же как их поправить — это в самом лучшем, когда учитель был почти доволен работой ученика. Начальник экспедиции скалился с досады, совсем по-волчьи, но не страшно для Павла Митрофановича. Тот качал головой сочувственно и думал

про себя — только раз один, немного выпивши, чего ему, староверу, не положено было вовсе, сказал вслух:

— Не зря так Богом устроено, чтобы были на Земле разные сословия. Господам назначено командовать. Залюбуешься, как иные командуют. Без господ-командиров не прогнали бы проклятого Бонапартия, хоть весь народ костьми бы лёг. Без Пожарского не прогнали бы ляхов. Без Дмитрия Донского…

Павел Митрофанович историю государства Российского знал и любил. Часто заносило его порассуждать, на уроки прошлого полагаясь. Но тут прервал себя, не дал мысли унестись в дали прошлого, вернулся к начатому:

— А торговля, уж простите, не господское дело. Не оттого, будто, как некоторые думают, низкое это дело, вроде как стыдное — о деньгах печься, о выгодах. Торговля — тонкое дело, высокая материя, настоящая симфония, ежели умеючи. А производство фабричное наладить? Заводы поставить! Моцарт нужен! Багратион! Но! От купеческого сословия.

— Полно, Павел Митрофанович, — тихо, с едва заметной лукавой улыбкой возразил капитан, в том застолье участвовавший. — Будто история не знает бездарных полководцев, будто нет господских деток никчёмных, коих ни к какому дело не приспособишь!

— Так-то оно так, — торговец с довольным видом огладил бороду, — а купца, вовсе плохого, не найдёте. Разорились плохие-то, промышляют ремеслом, крестьянствуют.

— Вот! Крестьян-то ты, Павел Митрофанович, вовремя помянул. Ты ведь сам крестьянский сын. Твой отец выкупился из крепостных. Был крестьянин — стал купец. А говоришь — сословия Богом назначены!

Павел Митрофанович победно улыбнулся, маслянисто сверкнул глазами — совсем его развезло от стаканчика красного.

— Богом и устроено, что выкупился. Кому положено, тот и купец!

Никита Ильич философических бесед долго не слушал. Противником не был, но… Ему дело подавай! Отходил от стола и, присев к окну поближе, а то и на палубе, на свежем воздухе устроившись, изучал атлас по географии и природе Североамериканского континента, нарочно с собой захваченный, или записки путешественников, там побывавших.

Сейчас Никита Ильич вышел на палубу без книги. Дал отдых голове. Щурился от рассеянного, слепящего света. Солнечные лучи преломлялись в мареве, всё слепило — и небо, и вода. Вдыхал прохладный, влажный, солёный — такой свежестью вовек не надышишься! — морской ветер, который сегодня был игрив и ласков.

— Вижу землю!

Никита Ильич, едва придержавшись за перила, взбежал на мостик. Стоял молча, наблюдал, как расширялась неясная, неяркая, никаким определённым цветом ещё не окрашенная полоса у окоёма, как команду корабля постепенно охватывало радостное волнение. Сам он испытывал чувства смешанные, как всегда почти с ним случалось в конце долгого пути.

Никита Ильич, как ребёнок, любил само движение, сам процесс удаления от привычных мест, то рваный, то монотонный ритм дороги, с её ухабами, кюветами и накатанными колеями, со шторма́ми, штильными затишьями, с ровными и сильными попутными ветрами. Прибытие на место пробуждало в нём все силы его живого природного любопытства. Но полная остановка движения, успевшего войти за долгую дорогу в плоть и кровь, порождала меланхолию, как пробуждение от чудесного сна. В дороге нет подлинных забот, кроме как о телесном благополучии, собственном и спутников. Ты налегке и свободен. Но по прибытии все обязанности твои наваливаются на тебя с удвоенной силою. Долг твой перед людьми, за которых несёшь ответственность, перед делом, за которое взялся, перед царём и Отечеством вытесняет ребячество из сердца. А сердце ребячливо по натуре и грустит об утраченной свободе.

* * *

Прибытие корабля в столичную гавань торжественно и парадно только во время великих праздников да визитов монарших особ. Для команды шлюпа прибытие растянулось на несколько дней. Подходили шлюпки с мелкими чиновниками, то энергичными, то вялыми. Обмен приветствиями, отправка и получение официальных писем и запросов, согласование условий, нудное, томительное ожидание. Наконец, местный лоцман и проводка по широкой ленивой реке. Гавань с запахами рыбы, смолы, мокрой пеньки, водорослей, с очертаниями незнакомого города. Блестящий от влаги причал. Берег. И ощущение, от коего отвыкли — твёрдой земли под ногами.

Заботы о жилье легли на плечи самих путешественников. Делегация от местного городского головы предложила осмотреть на выбор несколько адресов, прозрачно намекнув, что гостям предстоит самостоятельно нести расходы за постой. Никита Ильич был к такому обороту дела совершенно готов. Страна только что перенесла тяжёлую войну с Англией, ещё тяжелее пришлось от торговой блокады. У Никиты Ильича были заранее отложены средства на оплату проживания, еды и прочих бытовых нужд для команды и младших офицеров корабля. Однако же отправиться осматривать город и выбирать жильё вместе с капитаном и Павлом Митрофановичем ему не удалось.

На борт прибыла ещё одна делегация. Никита Ильич даже толком не разобрался: не то от властей штата Колумбия, не то от общего парламента всех Североамериканских Соединённых Штатов — Конгресса. Ещё здесь существовали разные политические партии, как впоследствии открылось, не слишком ладившие между собой. Одни поддерживали сближение с Россией, другие косили в сторону бывшей метрополии. Так или иначе, Российская Империя поддерживала вполне дружеские отношения и тесные торговые связи с молодым государством Нового света. На Высочайшем уровне даже нашли время и средства снарядить экспедицию с дипломатической миссией, несмотря на то, что все помыслы были сосредоточены на Венском конгрессе. Североамериканцам же, так или иначе, лестно, что такая сильная держава, как Россия, расположена к ним.

Во всех хитросплетениях местной политики Никите Ильичу только предстояло разобраться. А покуда он взял визитёров на себя, чтобы отпустить капитана и его помощника в город, поскольку день клонился к вечеру и мешкать им не стоило.

В Новом свете весьма бегло объяснялись по-французски, хотя простовато и с особенным акцентом. Необходимости в переводе не возникало, трудностей взаимопонимания удалось полностью избежать. Полностью — благодаря тому, что и купцы, занятые торговлей с иностранцами, владели французским в необходимой для этого мере.

Коротко и деловито изъявив всё, что полагается в подобных ситуациях по долгу вежливости, делегаты перешли к приглашениям на приёмы и ознакомительной беседе — о политике, о богатствах стран, в чём преуспели, а в чём отстают, о торговле. Словом, прощупывали гостей. А те их прощупывали. Пили и нахваливали французское вино, с собою русскими привезённое.

Никита Ильич сразу приметил. У него на такие вещи глаз намётанный. У одного из визитёров — отличавшегося особенно гордой посадкой головы, самоуверенного черноволосого штатского средних лет — в галстухе булавка с изображением звезды в треугольнике. Прозрачнее — лишь на лбу подписать. Видно, у них не запрещено, а то и поощряется, как в России было до Екатерины, точнее, до печального дела Новико́ва. Приметил Никита Ильич булавку, и сердце забилось совсем по-мальчишески. Надо же! Океан пересечь и тут, по другую сторону океана, повстречать своего! Отчего ему прежде не приходило в голову, что не в одной лишь старой, умудрённой Европе существуют масонские братства? Бог весть! Людям свойственно

полагать отсталыми тех, кто живёт в глуши да на отшибе. Вот и Никита Ильич не убережётся от обиходного суждения. Оттого-то теперь так радостно приветствовало его сердце встречу с братом по духу.

Сам Никита Ильич никаких опознавательных примет на себе не носил. Захотелось сразу сделать знак. Будет ли он понятен члену братства с противной стороны Атлантики? Но Никита Ильич решительно остановил порыв. Не любил он действовать под влиянием сиюминутных чувств. Поспешишь — людей насмешишь. Время будет поразмыслить, поспрошать, выбрать верный момент.

В последующие дни он едва успевал принимать делегатов с приглашениями на торжественные приёмы — от торговых компаний, банков, от промышленных союзов, от властей разных локаций и уровней. А с ними всеми — журналистов. Приглядывался к каждому. Знаки на некоторых находил, но не столь откровенные, как булавка со звездой в треугольнике. Звезда, к слову, выглядела необычно: лучей много, трудно сосчитать, не уставясь на неё во все глаза. Вопрос однако в другом: случайно ли тот человек прицепил свою булавку к галстуху перед встречей с гостями из России?

Никита Ильич вполне успокоился и мыслил теперь трезво. Братство — не только общность высоких идеалов. Встреча с братьями на чужбине многое проясняет, сведения помогает раздобыть, многие двери открывает. А какой же риск? Как посмотреть. Возможно, для ученика, для подмастерья рискованно открыться перед иностранными масонами, пребывая на чужбине. Мастера станут верховодить — и сложно сопротивляться, даром что принадлежишь к другой ложе, за морем-океаном оставленной, на далёкой родине. Дашь слабину — не выполнишь миссию, царём и Отечеством на тебя возложенную. Но мастеру беспокоиться не о чем. По большому счёту, Никита Ильич и в подмастерьях не дал бы чужакам верховодить.

* * *

Никита Ильич довольно скоро прискучил торжественными встречами, и не всякое уже приглашение принимал.

Огромная беда, что в прошлом году англичане, занявшие в ходе войны с Американскими штатами Вашингтон, сожгли библиотеку Конгресса! Всего-то полтора суток пробыли в городе, но успели нанести порядочного ущерба. В библиотеках Болотин особенно готов был просиживать дни напролёт, и гибель библиотеки Конгресса огорчила его не намного меньше, нежели утрата в огне войны собрания книг Московского университета. Ему и обязательно требовалось посетить учёное заседание в Джорджтаунском университете, где намечался доклад по новейшему картографированию северной части Американского континента. Там заодно можно заглянуть и в библиотеку: говорят, собраны весьма интересные книги по дипломатии и политике.

А всё же миссия посланника обязывала скучать хотя бы в самых представительных из светских собраний…

Он сразу заприметил черноволосого обладателя масонской булавки. Тот вскоре подошёл поздороваться и поприветствовать гостя. Осведомился, каковы впечатления русских о городе и его обитателях…

Этот русский — весьма влиятельный человек, думали североамериканцы. Его значение куда более, чем он старается показать. Нужды нет, что он привёз пустое, вполне бесполезное послание от царя, что полномочия его расплывчаты. Он держится уверенно, что скажет — словно отдал приказ. Даже бородатый, степенный Павел Обознов, уполномоченный вести переговоры по торговле и промышленному сотрудничеству, старик опытный и хитрый, смотрит Никите Болотину в рот, едва тот заговорит. Но и когда тот отмалчивается в тени, старик косится в его сторону, ожидая знака. Капитан почтителен с Болотиным

донельзя. Никита Болотин пропадает днями в частных библиотеках и на заседаниях научных обществ. Возможно, он скрывает тем самым подлинный характер своих интересов. А возможно, доискивается каких-то сведений. Хоть так, хоть этак, а следует поскорее найти подход к посланцу царя — наладить контакт прежде, чем это сделают представители других лож и партий. Разузнать бы, кто он таков на самом деле. Удивляться не придётся, если он окажется и членом царской семьи! Так независимо держится, так мало пьёт, так скуп в речах, так мало танцует с дамами и так скромен в бытовых потребностях. В чём его слабость? Как его раскусить?..

Никита Ильич сделал знак, который должен открыть дверь любой ложи, так как его понимают масоны всего мира. Мистер Моллисон опешил. Не ожидал. Стало быть, не намеренно щеголял перед русскими своей булавкой. Ответ последовал, когда Никита Ильич уже решил было, что его не стоит ожидать. Знак, немного искажённый в сравнении с тем, чему обучили некогда Никиту Ильича, но узнаваемый. Оставалось выйти в небольшой сад и среди цветущих кустов представиться друг другу по полной форме. Пожали руки особым образом — метод совпал.

Не вдруг разобрались с уровнем: терминология разная. Оказалось, что оба — мастера, но мистер Моллисон представился, сверх того, «производителем работ». Среди известных Болотину степеней масонской иерархии аналогов не нашлось, но североамериканец явно гордился этой должностью.

— Братство, к коему я имею честь принадлежать, единственное в Старом и Новом Свете прямо продолжает традиции вольных каменщиков средневековья. Мы совсем не для красного словца называемся «Истинные вольные каменщики»!

Забавно Никите Ильичу показалось в устах представителя молодой страны тетеревиное это хвастовство. Однако же он не подал виду, только брови поднял приглашающее: мол, рассказывайте же дальше!

— Должно быть думаете: «Эка расхвастался провинциал!» — смекнул мистер Моллисон.

— Отчего же? Я полон внимания. Всегда интересно узнавать новое, особенно — в деле, где не ожидаешь открыть для себя особенной новизны.

Впрочем, подумалось вдруг Болотину, ежели новосветские истинные вольные каменщики ведут своё начало напрямую от одного из старинных английских братств, находящихся вне системы великих лож, то это и вправду может сулить нежданные открытия.

— Не ожидаете новизны?

— Простите мою прямоту. До сих пор мне представлялось, что все масонские ложи мира, как ни назывались бы, что бы ни декларировали, а заняты примерно одним и тем же и соблюдают общие традиции. Хоть и немецкая система, и английская, и другие немало различаются иерархическими степенями, но законы орденские в основе одни.

«Прям, и о политесе ни мало не заботится. Масонством своим не тяготится, однако прискучил, — думал американец. — Он — человек конкретного дела. Бездельными ритуалами и болтовнёй об улучшении человеческой природы разочарован. Но как сверкнул глаз, когда лишь слово произнёс: новизна!»

— Мы составляем подлинное исключение. Но я имею право открыть вам лишь малую толику: ложа крайне строго относится к соблюдению тайны.

«Дешёвая рисовка, должно быть, — думал Никита Ильич. — К чему этот североамериканец затеял хвастовство? Пора прервать беседу и вернуться в залу. Вряд ли будет прилично игнорировать возможность побеседовать в непринуждённой обстановке с государственным секретарём, нарочно явившимся на приём ради русской делегации, и сенатором — хозяином дома, предпочтя обществу их и их семейств какого-то советника Моллисона, хотя и брата».

— Прошу вас, не раскрывайте тайн. Ни коим образом не хотел бы оказаться причиной вашего преступления.

«Однако же и выдержка у этого господина! Ведь ему страсть как любопытно», — решил про себя Моллисон.

— Я не преступлю наших строгих правил, ежели вам как брату и равному сообщу лишь одно. Мы действительно строим. Наша деятельность по нравственному совершенствованию человеческого рода заключается в подлинном зодчестве. И гармонию, и просвещение мы несём своим методом. В оны дни тамплиеры создали готический храм, тем самым возвысив дух человеческий, дав возможность всякому заскорузлому сознанию воспарить к горним вершинам. Но мы не возводим храмов…

Моллисон внезапно прервал свою вдохновенную речь.

— Всё. Более ничего не могу произнести и вынужден отпустить вас для общения с более важными персонами. Пока вы не член Ложи истинных каменщиков, наши тайны для вас закрыты.

Никита Ильич от души рассмеялся.

— Да вы не просветитель, а прямо искуситель!

«Умный лис!» — отметил про себя американец.

— Скрывать нечего. Я хотел бы видеть вас истинным вольным каменщиком, — сказал он вслух с обезоруживающей простотой.

«Интересно, за кого он принял меня, что так старается? — подумал Никита Ильич. — Однако теперь я уехать не смогу, не узнав их секретов… Если секреты — не блеф, а существуют на самом деле».

— Наши правила, к большому сожалению, не допускают участия в собраниях мастеров из других лож. Возможен только переход, который требует соблюдения определённых условий. Однако из уважения к вашим глубоким познаниям и высоким душевным качествам вас Ложа примет безо всяких дополнительных условий.

Болотин губу прикусил, чтобы откровенно не рассмеяться. «Да кто ты такой, чтобы давать подобные обещания? Ты не Досточтимый мастер Ложи, не собрание мастеров, а всего лишь один из братьев, хоть и называешься каким-то там производителем работ!» — думал он.

Никита Ильич уже шагал один по аллее, на которой пышно цвели — среди августа! — припозднившиеся кусты. Богата природа здешняя — дышит теплом, обильна цветущими растениями, крикливыми птицами, яркими красками. Никита Ильич походя тронул красные бока каких-то плодов и вздохнул невольно. Представил, как румянится скромно рябина, как первые жёлтые пряди в кронах берёз поливает первый моросящий, серенький, уже похожий на осенний, дождь. Словно наяву, увидел мокрые земляные дорожки Царского Села, где мхом поросшие, где долгой, тощей травой, где узловатые корни торчат… Отчего тянет прочь от яркого и богатого чужого в бедное и неброское своё отечество? Велика сия загадка человеческой души!

«Однако же как эти люди желают заполучить меня! — продолжал он свои рассуждения. — Определённо, приняли за более важную птицу, нежели я есть. Никакой беды нет в том, чтобы стать истинным вольным каменщиком. У нас-то в братствах всё одно — безделие да болтовня! Брюсово наследство, оно же дар Новикова — единственное подлинное масонское чудо — и то распылили впустую по собственному невежеству».

Никита Ильич давно был разочарован практическим воплощением того масонства, в коем грезил некогда обрести смысл жизни. Он получал первые посвящения с душевным трепетом, с чаянием, что теперь откроется ему новый, потаённый мир и новое дело, объединившее братьев, станет делом его жизни. Ведь неладно в мире, неладно люди живут между собою, много тьмы в умах, чёрствости в сердцах. Нет в человеческих сообществах ни равенства, ни

свободы. А привнести их должны те, кто уже достаточно возвысил свой разум, но привнести не кровавым французским путём, а средствами просвещения народа и при помощи тайного влияния на рычаги хозяйствования и управления страной.

Это не про политику вовсе. Приближаться к власти масонам заказано, хоть нынешние из кожи лезут, чтобы поучаствовать в государственных делах, никакой устав им не указ. А требуется влияние на организацию жизни, всех форм отношений между отдельными людьми, между сословиями. Не всегда надобно переменить правителя той или иной страны, чтобы переменить в ней жизнь. Это, ежели задуматься, даже нежелательно. Лучше переменить вокруг правителя саму структуру управления. А поставить ли правителя в известность о совершающихся преобразованиях, нет ли — зависит от личных качеств его и личных отношений его с реформаторами.

Даже мысленно Болотин избегал произносить «Государь, Государя», а предпочитал размышлять об отвлечённом «правителе». К Государю-императору Никита Ильич относился всё ещё с большим почтением.

Глава 2. Архивный шифр

Николай хмуро смотрел в пол.

Ещё не поздно наняться на строительство трамвайных линий. Зовут на хорошее место. Да, после болезни тяжеловато приходится. Но есть, ради чего перетерпеть. Мало, что заработная плата — жильё! Новый, сухой, разгороженный барак — плохо ли?! Главное: верная возможность в скором времени перейти в учётчики. Тогда — прощай, тяжёлый ручной труд с киркой и заступом, прощайте, тачки, гружёные камнями, увесистые рельсы и шпалы. Слюнявь карандашик, да черкай цифры в книжечке. На пасхальной неделе побывал бы дома и вернулся. Да, не перекопает матери огород, зато сможет регулярно отправлять деньги. Рабочий день от и до, с осени можно по вечерам учиться. Ещё интересно строить электростанцию; тоже можно бы попробовать наняться.

А тут что за занятие? Зыбкое, непостоянное. Странный господин Извольский сегодня радуется клочку материи, завтра — тому, что нашёл в стене горшки, замурованные для звукового резонанса, и пустой тайник. Ладно бы! Но теперь он готов прыгать от радости, что в очередном особняке — котором уже из обследованных? пятом? нет, шестом — не оказалось ни особого зала, ни тайника. Что это означает? Что он ищет? Зачем? А самое плохое — что впереди — никакой ясности.

Поиски рано или поздно кончатся. Положим, особняков, в которые господина Извольского согласятся впустить для исследований их хозяева, арендаторы или агенты по сдаче внаём, в Москве ещё полно. Но Комиссия по изучению старой Москвы, для которой старается Алексей Кондратьевич, преследует определённую цель, о которой Николаю ничего не ведомо. Сделав своё дело, господин хороший думать забудет о помощнике.

Осенью Николаю всё равно придётся искать постоянную работу…

— Тут всё. Идём во флигель. Для очистки совести надо и его на всякий случай осмотреть, — бодро распорядился Алексей Кондратьевич.

— Что мы ищем-то? — осведомился Николай, не двинувшись с места и по-прежнему глядя в пол.

Господин Извольский опешил.

В сущности, Николай понимал, что злится несправедливо, и примирительно добавил:

— Обойные гвозди опять нужны? Чёрный штоф? Сказали бы, что ищем, я б тоже смотрел. Может, вы не заметите, а я найду.

Алексей Кондратьевич почему-то ухмыльнулся, а потом и вовсе рассмеялся. И как это понимать?

Как внезапно развеселился, так же внезапно господин Извольский стал серьёзен.

— Ты прав. Пора рассказать тебе. Я и сам собирался. Не думай, тут нет никакой тайны. Есть секрет, но тебе я, пожалуй, могу его доверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.